

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ЖУРНАЛИСТА И ПИСАТЕЛЯ Н. Н. СТАРЧЕНКО

Голлик Наталья Александровна

директор МУК «Унечский краеведческий музей»

(г. Унеча, Россия)

Данная статья посвящена деятельности Н. Н. Старченко, земляка, родившегося как раз на границе России и Белоруссии, Брянской и Могилевской областей, по соседству с белорусской деревней Горня в российской деревне Осинки, известного российского журналиста и писателя, основателя и главного редактора журнала для семейного чтения «Муравейник». У него в этом году двойной юбилей: 65 лет со дня рождения и 50 лет творческого дебюта. Вначале коротко о нем.

Началась журналистская деятельность Старченко ещё в школе с очерка в районной газете, потом была учеба на факультете журналистики Ленинградского госуниверситета, работа на Орловщине: вначале корреспондентом об-

ластной газеты «Орловская правда», а затем главным редактором областной газеты «Орловский комсомолец».

За это время он был награжден Дипломом Союза журналистов СССР за лучшие репортажи, стал лауреатом областной премии И.С. Тургенева, признан лучшим журналистом года Орловской области, удостоен премии всесоюзной газеты «Сельская жизнь» за лучший очерк года.

Переехав в Москву, Николай Николаевич защитил диссертацию и стал кандидатом филологических наук.

В 1988 году он был принят в члены Союза писателей СССР. С 1989-го по 1992 год был главным редактором научно-популярного журнала «Юный натуралист». А в 1993 году учредил первый в России журнал о природе для семейного чтения «Муравейник». И стал бессменным его главным редактором. По словам его коллеги и близкого друга, известного российского журналиста Василия Пескова, важнейшие четыре слова стали программными для него и его детища «Муравейника»: «Природа, семья, труд, нравственность». За неустанный и кропотливый труд над нравственным и эстетическим воспитанием подрастающего поколения «Муравейник» удостоен многих наград: он лауреат главной премии Всероссийского государственного конкурса «Патриот России», лауреат Всероссийской литературной премии имени П. П. Ершова, в 2007 г. журналу был присвоен знак отличия «Золотой фонд Прессь».

На сегодняшний день Николай Николаевич ещё и известный писатель. Он автор нескольких книг повестей и рассказов. Последняя книга, изданная в 2015 г. – «Тень белого дерева».

Старченко не раз становился лауреатом Всесоюзных писательских и журналистских премий, среди которых премия имени А. К. Толстого «Серебряная лира» (2002 г.), премия имени Н. М. Карамзина «За Отечествоведение» (2005 г.), премия «Патриот России» (2004 г.), премии имени М. М. Пришвина (2007 г.). С 2006 года – член-корреспондент Академии Российской словесности.

За свою полувекую творческую биографию Николай Николаевич писал о множестве разных проблем: об экологии (особенно обсуждаемы в свете Года экологии в России), о патриотическом воспитании, о краеведении и охоте, о мемориализации литературных мест и современной грустной судьбе русской деревни.

Но мне, как музейному работнику, особенно интересна и важна та часть творчества Николая Николаевича, которая посвящена этнографии нашего народа: описанию языка и повседневного быта, религии и обычаев, проблемам сохранения традиционной народной культуры.

Старченко глубоко самобытный автор. И истоки его самобытности, наверное, в какой-то особенной близости и любви к природе, к своей земле, в опоре на духовно-нравственные ценности своего рода. Самобытность эта

уходит корнями в его малую родину, в тихую провинцию, которая так богата историей.

Поэтому так интересны его этнографические зарисовки. Как точно подметил его коллега, орловский журналист Алексей Кондратенко, «это не просто рассказы, а скорее историческая реконструкция» быта сельских жителей времен детства и юности автора, их обрядов и обычаев, культуры и языка.

Писатель словно переносит нас во времени. Читаем «Три повести» и оказываемся в его родной Осинке среди его родичей и односельчан: сажаем и распахиваем картошку, вывозим навоз и стогуем сено, убираем хлеб и празднуем престольный праздник Михайлов день. Кстати, а знаете ли вы, что у земляков Николая Николаевича был и третий день Михайлы – называемый сердобольным – «для тех, кто ослаб неожиданно, не рассчитав свои силы за столом, и хозяева вынуждены были оставить гостя высыпаться-отрезвляться» [2, с. 287]?

Это и другие маленькие открытия совершаешь на каждом шагу, читая Старченко:

– что березовый сок нужно собирать в деревянную посуду – «железо берёзовик портит. По-старому, из осинового корытца – самый вкус!» [1, с. 332];

– что змеи бывают двух видов: гадюка и «минутная» – если укусит, умрешь через минуту;

– что если на маленький боровичок помотришь, то он расти не будет.

Автор с удовлетворением отмечает, что «русская деревня, несмотря ни на что, упорно сохраняла свои традиции, заветы дедов и прадедов» [5, с. 35]. И, вопреки запретам власти, иконы сохраняли если не в домах, то на чердаках, где им и молились, как бабушка автора, и детей крестили, и праздники престольные отмечали, и на Радоницу на кладбище помянуть родичей шли.

Очень трогательно у автора описан этот светлый праздник поминовения усопших в Осинке 50–60-х гг. Читаешь рассказ «Радоница возвращается» и вспоминаешь, как и у нас в этот день одевались люди во все праздничное, как могилы застилали лучшими скатертями и самые красивые рушники на кресты повязывали, как азартно играли «навбитки» крашеными яйцами и дети и взрослые, как трижды обходили певчие кладбище, и как садились обедать у родных могил. Этот праздник и сейчас является очень важной традицией жителей нашего региона. И отрадно заметить, что настоятельные просьбы Николая Николаевича и других неравнодушных людей, наконец, дошли до «самого большого начальства в России» и узаконили на Брянщине Радоницу, как и в Белоруссии, сделали её праздничным выходным днем!

В то же время писатель не идеализирует деревню, он очень честен даже в мелочах. Так, он подчеркивает бедность народной жизни в 50-е годы: босоное детство в домотканых штанах, выкрашенных луковой шелухой. Чтобы

попробовать варенье, нужно было заболеть, потому как варили его только для лечения, дни рождения детей не отмечали, лишь тянули за уши, да иногда дарили горсть леденцов – вот и всё поздравление.

При этом автор много размышляет о потрясающем трудолюбии русских людей, причем не только взрослых. Сколько работы в деревне было у детей! В его автобиографичных рассказах и повестях мы видим, как старались ребята по мере сил помогать родителям.

С 5 лет начинали дети ходить с родителями за лесными ягодами: земляникой, черникой, малиной, брусникой. Причем, мы подмечаем такие этнографические штрихи – малину дети собирали в чайник, землянику – в березовый кузовок, сделанный из бересты молодой березы, чтобы сокопроводящая кора-молозиво не пострадала, а на чернику была установлена деревенская норма – сколько лет, столько стаканов ягоды и нужно собрать.

А потом были еще грибы, ловля рыбы разными способами: руками, корзиной, бреднем, сетью и т.д.

С 9 лет Коля уже ходил «на ранки» – рано-рано, перед восходом солнца бегал на далекий луг за колхозным конем, потом водил его до полудня и после обеда по бороздам, распахивая «бульбу», бывало, что и получал, зазевавшись, копытом по босой ноге, и падал с пугливой лошади.

В 10 лет в письменном наряде бригадира участие ребят на колхозном сенокосе определялось так: «помогать варить обед и подносить воду». А проще – «быть при котле и бочке». И как нелегко было мальчикам целый день чистить картошку, таскать издалека дрова в костер, самим в двадцати-ведерной бочке подвозить воду, а потом бегом разносить её ведрами работающим косцам.

А без 13–14 летних мальчишек «не обходилось летом ни одно дело, ни одна работа». «Ну вот, пошел в страду...», говаривали матери, собирая сыновьям на день узелок с едой [1, с. 317].

Ребята работали на сенокосе – верхом на лошадях «волочили копны»: собранное в копны сено волоком оттаскивали к месту метания стога. Этот давно ушедший в историю процесс очень подробно и даже поэтично описан у Николая Николаевича в рассказе «Страда».

Оттуда же: «Кончался сенокос, начиналась уборка хлеба – и продолжалась наша страда. Мы снова волочили копны – теперь уже соломенные, и не в стога, а в скирды, отвозили от комбайнов зерно, сушили и веяли его на току, собирали по убраным полям оставшуюся полову, отвозили её в старое гумно...» [1, с. 322].

Умели дети работать, но умели и отдыхать. А забавы себе придумывали такие, что нашим современным детям и не снились! Вот смог бы кто-нибудь из присутствующих здесь пробежаться босиком по первым проталинкам? А босиком зимой из хаты в хату, вернее от печи к печи? «Снег прямо жжет,

иголками колет, и ты ног под собой не чувствуешь и от холода, и от восторга» [1, с. 287]. Хотелось бы испытать такие ощущения? Жаль только печь русскую найти сейчас трудно. А какое это чудо – ковзель – скользкое, обледеневшее место катания! Да еще с каруселью на нём! А катания с горки! Кататься можно было на чем угодно: хоть на собственных подметках, хоть на щепке. Но лучше всего на лубянке-ледянке. Николай Николаевич приводит простой рецепт её изготовления: «Накладываешь в неё до половины соломы, потом закладываешь свежим, теплым коровяком, ровняешь доской. Дня три-четыре поливаешь – слоями – водой, и вот она готова – быстрая как ветер ледянка! Цепляешь к ней веревочку и идешь, счастливый, на гору...» [1, с. 378].

Можно было кататься и на санках! Да не на специальных детских, их в деревне практически не было, а на тяжелых, неуклюжих бельевых санках, на которых матери бельё на речку возили. Или и того круче – на конных санях, которые неслись вниз со страшной скоростью, «и не дай бог, если они были неверно направлены – трещало, пробивалось насквозь огородное прясло, а если врезались на всем ходу в чью-нибудь хату или сарай, то уж тут...» [1, с. 378].

Среди опасных развлечений детей автор вспоминает еще – катание на льдинах по речке Осинке, лазание по деревьям за птичьими яйцами, чтобы выпить их или сделать прямо в лесу на костре отменную яичницу, катание на крыльях ветряной мельницы.

Особый интерес для нас представляют описания старинных детских игр, которых, к сожалению, тоже практически не знают сегодняшние дети. Прежде всего, это городки. Все дни весенних каникул, вспоминает писатель, были городошными. Играли так много, что даже ночью снились все эти городошные фигуры: «вор», «рак», закрытое письмо».

Я, как музейный педагог со стажем, обязательно для своей работы возьму на вооружение старинную игру, описанную Николаем Николаевичем, – «сова». Объясняя правила игры, автор, как истинный знаток природы, объясняет её название подлинным сходством с картиной из жизни ночной совы: когда та случайно попадает на свет, то со всего леса слетаются птицы яростно клевать её.

Яркость и самобытность текстам Старченко придают диалектные слова, которые он использует во многих своих произведениях, но очень деликатно, чтобы не вызвать недоумения у читателей. И всегда доступно и логично объясняет их значение: «Очень точное старинное русское слово! Ты вот прислушайся-ка... Ко-овз-зель! Скользко, склизко, ковзко... – всё это слышится в слове... И еще что-то мягкое, ласковое, детски наивное... И грустное вроде что-то: ковзь! – скользнуло, мелькнуло детство одним мгновением!» [1, с. 379]. «Напрянься – значит оденься. И не просто оденься, а надень – на-

прянь, по-старинному – на себя верхнюю одежду». [1, с. 379]. А «совкая дорога – от соваться, спотыкаться».

Один из рассказов Старченко – «Старые слова» – целиком посвящен диалектным словам его малой родины, которая благодаря своему пограничному расположению имела особый язык. Автор с гордостью пишет о своем крае: «И образовался здесь за столетия своеобразный, яркий и сочный язык. Целая россыпь драгоценных, неповторимых слов!» А дальше уже с горечью: «Эти народные самоцветы в последние десятилетия сначала стремительно постарели, а сейчас и совсем стали отходить в вечность...» [1, с. 380]. Но на самом деле Николай Николаевич делает очень многое для того, чтобы сберечь это народное достояние, сохранить в памяти и передать следующему поколению. Его замечательные очерки, повести и рассказы могут служить прекрасным материалом даже для исследователей – диалектологов.

Из вышеназванного рассказа: «Мама обводит глазами своё домашнее хозяйство, говорит не спеша: «Вот глѣк – это кувшин. Рогач – ухват. Чепела – сковородник. Утирка – малое полотенце, утиральник – большое, банное полотенце. Вон уют, а раньше вместо него были качулки. Такие гладкие, круглые чурочки деревянные, ими катали, разглаживали на столе белье... А вот тут всегда стояли кросны – домашний ткацкий станок» [1, с. 381]

В других произведениях мы встречаем: тырло – сенокосный стан, грубка – небольшая печка, ковраты – ворота, хуря – метель, краец – краюшка хлеба, рели – качели и многие другие не менее интересные нам сегодняшним слова.

Своеобразным явлением деревенской жизни издавна были так называемые уличные «фамилии». Николай Николаевич пишет: «Свои фамилии мы помнили только в школе, а по деревне бегали с другими и более привычными – Коля Мотин, Миша Афанасов, Иван Ефимов... И эта уличная фамилия безошибочно указывала, кто в этой семье главный в доме – отец, мать или дед» [1, с. 300]. А как остроумны деревенские прозвища: «Вот та же чепела. Дразнили так худую женщину. А худого, тощего мужчину – Струк или Стручок, в зависимости от роста. Или тот же лямец, кусок мягкого тяжелого войлока. Так обзывали толстого, неповоротливого, всегда сонного хозяина. Сварливая, острая на язык бабенка – Сечка. Это такой широкий нож, которым на зиму капусту секут.... Или до несурзности крупная, рослая женщина – Можара. Телега такая раньше была – громоздкая...» [1, с. 382].

Кладезь народной мудрости – пословицы. Нам кажется, что все они уже давно известны. Но вот я открыла для себя новые, записанные Николаем Николаевичем со слов земляков: «Кто долго не берет тяжелое в руки, тот быстро берет дурное в голову». Или «Русский человек мордой торговать не будет» [1, с. 273]. А вот еще: «А слѣзы и скрозь золото льются» [1, с. 274].

Так, при помощи отсылок к памятным деталям, к воспоминаниям старожил, возникает у автора тема памяти, которая является способом трансляции народной культуры.

Особенно важным является то деятельное начало, которое привносит в современность сам Н. Н. Старченко и его соратники, о беспокойных хлопотах которых не устают рассказывать автор в своих очерках. Именно их совместные труды и заботы способствуют актуализации национальной памяти и обеспечению трансляции культурного наследия будущим поколениям.

Хочется верить, что и произведения автора, и его неустанная просветительская деятельность станут путеводными огнями для нас и наших детей, помогут противостоять деструктивным вызовам современности, сохранить и преумножить наше великое культурное наследие [4, с. 15].

Литература

1. Старченко, Н. Избранные произведения в двух томах / Н. Старченко. Т.1 : Сутоки. Рассказы и повести. – Москва : Голос-Пресс, 2007.
2. Старченко, Н. Избранные произведения в двух томах / Н. Старченко. Т. 2 : Закрайки. Рассказы. – Москва : Голос-Пресс, 2007.
3. Старченко, Н. Тень белого дерева / Н. Старченко. – Смоленск : Маджента, 2015.
4. Охотничий сборник. – Москва. – 2012. – № 12.
5. «Муравейник». Ежемесячный детский журнал для семейного чтения. – Москва. – 2016. – № 2.